

НА ВОЙНЕ И В МИРУ ЛЕКАРЬ БУДЕТ КО ДВОРУ

1882

ИЗ ГЛУБИ ГЛУБИННОЙ,
ИЗ ДАЛИ СТАРИННОЙ

Михаил Тимофеевич Ермолаев родился в январе 1882 года и был седьмым ребенком в удмуртской семье деревенского знахаря Тимофея Ивановича, которого за глаза называли колдуном, потому, что лечил он не только травами, припарками и настоями, но и заговорами, снимал порчу, убирал надсаду. Все лекарские премудрости он перенял у своего отца, который, как говаривали, на русско-турецкой войне служил помощником военного лекаря. Знание народной медицины, каждодневное приобщение к военной жизни и большая практика в полевой хирургии сделали из деревенского знахаря опытного и авторитетного лекаря. Вернувшись с войны, дед Михаила стал учить всем премудростям традиционной и нетрадиционной медицины своего сына Тимофея, который преуспел в учении и даже превзошел своего отца. Тимофей Иванович после смерти отца всех своих сыновей и двух дочерей учил медицине, но дело пошло только у Михаила, поэтому он всегда держал его возле себя и рассказывал, как составлять лекарственные настои и мази от разных болезней, показывал, как вправлять переломы и вывихи, делать массаж.

Отец Михаила был независимым, гордым и даже грубым человеком. Он терпеть не мог богатых и зажиточных людей, хотя, как вспоминал его сын, сами они жили не бедно и считались середняками, хотя могли быть очень богатыми. Селяне в благодарность

**...Он
полагал,
что
большой
грех
богатеть
на
людских
страданиях
и горе.**

личного расположения, а потому, что он - последняя инстанция, куда можно обратиться. Выговорив посетителям, что они ничего не понимают в оплате его труда, а рысак почитают больше собственной невестки, он велел всем садиться в пролетку и ехать до околицы. В деревне дома отличались добротностью, а как выехали они на окраину, увидели дом-развалюху, где жила многодетная семья.

- Помочь надо людям, понимаешь? - спросил лекарь у богатея. - Ты найми бригаду плотников, чтоб построили дом, конюшню и баню, а я дам лошаденку, коровенку, пару овечек и пару коз. По рукам?!

- По рукам,- деваться некуда богатею.

- А рысак сегодня же поставь в мою конюшню, - распорядился лекарь.

- Так рысак не ходит, сноха не встает.

- Рысак загонял, сноху голодом заморил, - сказал сурово Тимофей Иванович. - Придется к тебе ехать. Время не ждет, вези нас всех.

Дома картина оказалась еще безрадостнее, чем представлялась вначале: рысак лежал с понурой головой, а взгляд беременной на четвертом месяце невестки выражал полнейшее безразличие.

Начал с невестки. Попросил всех выйти из ее комнаты, стал расспрашивать: есть ли у нее друзья, кто в доме к ней хорошо относится, чем она занимается, как питается? После расспросов понял, что у женщины малокровие от плохого питания и недостатка витаминов. Сочувствует ей свекровь, да только сделать ничего не может: всеми продуктами в доме распоряжается скряга-свекр. Просьбами его не проймешь, один путь - запугать и в глазах сородичей ослабить, если дело не пойдет.

- Положение серьезное, - говорит он скряге-свекру. - Невестка твоя с неродившимся наследником умирает, потому что кормишь ты их плохо. Может, невестину богатую родню позвать или Варфаламея пригласить - я повторю то же самое при них.

Сжал тут скупердяй пудовые кулаки, хотел броситься на Тимофея Ермолаева, да знал, что не смолчит он - придет родственничек праволоуб, архаровец Варфаламей сначала до полусмерти изобьет,

Как-то пришла старушка. Привязала у ворот овечку - и бегом к Тимофею Ивановичу: дети умирают! Отец, как вспоминал Михаил Тимофеевич, приказал побыстрее собираться и идти с ним - помогать. Дети действительно тяжело болели и лежали, не вставая. Михаилу пришлось раз десять сбегать домой, выполняя различные поручения отца. Сначала отец напоил больных лекарственным отваром, потом промыл желудки и дал выпить целебный чай. В конце дня, запретив ребятишкам вставать до утра и оставив матери отвар, Тимофей Иванович наказал ей лучше следить за детьми, чтобы впредь не ели они ядовитых лесных ягод, а овечку забрать со двора. "Если и впрямь хочешь меня уважить, то свари к празднику две четверти кумьшки", - попросил он рассыпающуюся в благодарностях хозяйку.

За суровым
обращением и
надменными
манерами этого
человека
скрывалось
нежное,
отзывчивое
сердце.

потом разбираться станет, и в один миг из уважаемого человека навсегда превратишься в презренного сквалыгу. Дети пальцем будут показывать. Понял он - придется согласиться со всем, что назначит колдун.

Тимофей Иванович научил свекровь готовить лекарственный настой, который следовало пить до семи утра перед едой по сто граммов, и столько же перед ужином. Распорядился, чтобы молодой женщине давали есть все, что она захочет и сколько захочет.

- Если выполнять все предписания, здоровье поправится через 2-4 недели. Через семь дней больная встанет, а через двенадцать будет себя обихаживать, - сказал он, прощаясь.

Рысака, которого все же перевезли на конюшню к Ермолаевым, Тимофей Иванович отпаивал отварами.

- Довыпендривался, богатей, доразъезжал взад-вперед по деревенской улице: нашлись завистники, подали коню отраву. Да только и мы не лыком шиты - выходим рысака.

Так ночью он варил для коня отвары, а днем возил лес для дома слабосильного мужика, детей которого жалел, и, как обещал, подарил бедной семье живность, без которой на сельском подворье пусто, а за столом - голодно.

ОН И ЛЕКАРЬ, И АПТЕКАРЬ

Вскоре произошло событие, повлиявшее на всю дальнейшую судьбу Михаила Тимофеевича.

Однажды в дом Ермолаевых вошел староста. Он привез с собой и попросил очистить от черной силы человека, занимавшегося порчей. Отец Михаила спросил старосту, дает ли человек на то свое согласие и будет ли способствовать ему в проведении обряда. Староста заверил Тимофея Ивановича, что приведенный им человек всеми силами хочет избавиться от порчи, да не знает, как.

- Ну, что ж, ведите его в куалу и положите на топчан. Вы, староста, со всеми остальными войдите в дом и не покидайте его в течение часа, пока я не выйду из куалы.

Так и поступили. Вначале было тихо. Через десяток минут в доме услышали душераздирающий крик, почти без перерывов продолжавшийся больше часа. Все это время староста не спускал глаз с часов и шептал молитву. Наконец вышел Тимофей Иванович, совершенно усталый.

- Ты бил его? - поинтересовался староста.

- Пальцем не тронул.

- Чем отблагодарить тебя? Собрали вот деньги со всех пострадавших. Может, возьмешь?

- Нет, отдайте нуждающимся. Ты мне, староста, помоги сына на какие-нибудь медицинские курсы устроить. К его мастерству документ нужен.

- Да, это верно. Можно отправить в Казань или Вятку, своих лекарей у нас мало.

Между тем, пошатываясь, вышел из куалы бывший черный маг. Все впились в него глазами, отыскивая следы побоев на обнаженных руках и на лице. Не найдя ни одного изъяна, односельчане облегченно вздохнули и радостно покинули дом Тимофея Ивановича. Михаил сожалел, что отец на разрешил ему присутствовать на обряде в куале.

Вскоре последовали радостные события: многодетная семья переехала в новый просторный дом, поправившаяся невестка жадного богатея и впрямь родила сына-наследника, рысака по просьбе знахаря богач отдал своему сыну, а Михаилу староста привез направление на учебу в Вятку - на курсы лекарей и помощников провизоров.

Два года пролетели как единый миг. Михаил постиг науку врачевания и вернулся под родительский кров. Отец доверял ему, как себе, и в дальние поездки, на тяжелые случаи отпускал его одного.

СЛУЖИТЬ "...ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ..."

Грянул 1904 год. Япония, пытаясь установить свое превосходство на море, чтобы беспрепятственно высадить войска на Ляодунском полуострове, громит Тихоокеанскую эскадру, крейсер "Варяг". 31 марта затонул флагманский броненосец "Петропавловск" с надеждой русского флота адмиралом С.О.Макаровым и художником В.В.Верещагиным... Скорбный список потерь завершает Цусима. Бои идут и на суше. Работы медикам хватает!

Михаила отправили служить на Дальний Восток. Порт-Артур, Мукден, Старый Харбин, полевые госпитали, но вначале был Порт-Артур, где поток раненых не иссякал. Спать приходилось по 1,5-2 часа в сутки, но Михаил работал быстро, виртуозно, как учил его отец, и был на хорошем счету. Китайцам и корейцам, которых немало находилось в прифронтовой полосе, он при каждом удобном случае заказывал лекарственные растения, готовили из них настои и

Работа приносила Михаилу удовольствие. Как свой человек он входил в удмуртский, русский, татарский дом и говорил с больным на его языке, завоевывая авторитет и уважение у селян. Отец радовался: "Хоть один сын в меня пошел".

Август выдался самым тяжелым для защитников Порт-Артура. Японцы пытались захватить крепость. Три их армии начали окружать наши войска в районе Ляояна. Сражение началось 24 августа.

микстуры, но совместить фармацевтику с полевой хирургией в полной мере не удавалось. Пока не представился случай.

В один из дней, когда раненых и увечных было столько, что медики не могли себе позволить даже часовой отдых, главврач попросил Михаила приготовить для персонала тонизирующие настои, чтобы как-то продержаться, а для раненых - обезболивающие.

В полночь, когда все собрались на летучку, под руки ввели больного генерала. Он промок под дождем, почти сутки не слезал с лошади, и во время артиллерийской подготовки его и лошадь ударило бревном. Теперь он не мог ни согнуться, ни разогнуться и очень сожалел, что придется оставить с трудом передвигавшуюся лошадь.

Командующий Манчжурской армией, генерал от инфантерии, генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин (а это был он) приказал своим спутникам найти ему другую лошадь, а докторам дал задание: через час-другой поставить его на ноги, чтобы он мог сесть в седло.

В столь короткие сроки восстановить утраченные силы мог только Ермолаев. К нему и обратился главврач после небольшого консилиума. Прежде чем выполнять приказание Михаил обратился к генерал-адъютанту: "Ваше высокопревосходительство, разрешите прежде осмотреть вашу лошадь". "Ты кто? Ветеринар или доктор? - заинтересовался Куропаткин. - Если ты лошадь на ноги поставишь, то я могу еще некоторое время побыть здесь, переждать грозу и ливень. А впрочем - она тебя к себе и не подпустит..."

Приободренный мыслью, что времени на лечение стало больше, чем раньше, Ермолаев ответил: "Вы пока раздевайтесь, ваше превосходительство, а я - мигом"...

Больную лошадь Михаил завел в укрытие, положил, осмотрел и напоил уже готовым отваром. Ее состояние не вызывало у него беспокойства, о чем он и сообщил, вернувшись, генералу: "К утру на ноги поставлю, а пока займусь вами". Трижды он тряхнул ему позвоночник, положил, помассировал, втирая в кожу целебную настойку, и, смазав ушибленную спину, сделал теплый компресс на ночь. Потом дал выпить свой фирменный бальзам - и Куропаткин впервые за долгие бессонные ночи уснул крепко, как младенец.

Пока генерал спал, Ермолаев занимался его лошадью. Он всю ее обтер, помассировал каждую жилочку и живот, несколько раз за ночь готовил для

нее разные отвары. Потом накормил и вместе с адъютантом тщательно вымыл и вытер ее. Только после этого разбудил генерала. Он вскочил, стал ругаться, что долго проспал, потом вспомнил про лошадь и спросил: "Как она?". Адъютант рассказал, как они с лекарем всю ночь готовили лошади травяное пойло и смазывали мазями.

- И что теперь? - нетерпеливо спросил командующий.

- Лошадь ждет вас,- ответил Ермолаев.

Еще не веря такому счастью, генерал выбежал во двор лазарета и увидел поджидавшую его оседланную лошадь. Она легко переступала ногами, как будто застоялась, и всем своим существом излучала радость при появлении хозяина.

- Вы ее, ваше превосходительство, по ночам сильно не гоняйте: делайте в первое время небольшие передышки. А лошадь у вас хорошая, умная, все понимает...

Генерал ехал и вспоминал, что, кажется, совсем недавно, в первых числах июня в ляоянском госпитале встречался с офицерами, ранеными под Вафанганом-Вафангоу. Расспрашивал об обстоятельствах, при которых получена рана, интересовался, где и когда ее перевязали, как доставлен раненый до перевязочного пункта. А в заключение беседы, пожелав скорейшего выздоровления, клал раненому на край койки или совал в руку коробочку с орденом.

- Именем Государя Императора благодарю вас и награждаю, - говорил он одному.

- Вот вам на память о ране, - говорил он другому.

- Пусть это облегчит ваши страдания, - говорил он третьему.

Тогда два дня летучие отряды Красного Креста штабмейстера Родзянко, хирурга фон-Мантейфеля и летучий отряд Евдокии Алексеевны Воронцовой, 18 часов не слезавшей с седла и подбиравшей раненых, - работали не покладая рук. Два полных поезда ушли, а раненые все прибывали...

Первого и второго июня под Вафангоу русские войска понесли тяжелые потери. Были убиты и ранены 127 офицеров и 3345 нижних чинов (в том числе и пропавшие без вести).

"Мы развернулись и ушли, не собрав с поля боя всех раненых и недобив японцев, мобилизовавших в этот бой свои последние резервы. Победа это или поражение?" - размышлял Алексей Николаевич.

- Именем Государя Императора благодарю вас и награждаю!

Историки все
потом расставят
по своим местам и
придут к выводу:
ни Ляоянское
сражение,
длившееся 11
суток, ни
последующая
Мукденская
операция, в
которой потери
японских войск
составили 70
тысяч убитых и
раненых против
59-ти тысяч
русских, войсками
Куропаткина
проиграны не
были.
Чужая земля.
Изнуряющая
война.
Чудовищные
потоки сезона
 дождей размывли
дороги и снесли
все, что на них
было в море
глинистой грязи.
А спросишь,
бывало, у солдат:
“Тяжело ли
вам?”. “Ничего, -
звучит
классический
ответ русского
человека. -
Держимся!”

*Глава иллюстрирована
почтовыми открытками
из коллекции автора.*

ЗАСЛУЖЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

После этого случая к Ермолаеву пришла слава как к Пирогову или Склифосовскому порт-артуровского масштаба. Через неделю к нему привезли в повозке сильно ослабевшего командира полка, которого случайно зацепила шальная пуля. Ермолаев приказал санитару сгонять на лошади к китайцу в аптеку за травами, а еще лучше - привезти его самого, чтобы он ему лично объяснил, что срочно требуется для спасения человека.

Вместе с китайским аптекарем Ермолаев составил рецепт сонной обезболивающей микстуры, которая пользовалась у раненых огромным успехом, облегчая их страдания. Больных и раненых было так много, что работать приходилось почти круглые сутки, и мысленно Михаил благодарил отца за то, что воспитал в нем недюжинную работоспособность, умение преодолевать все препятствия, чтобы достичь цели, и поверить в силу духа.

За спасение раненых, облегчение их страданий и проявленные при этом инициативу и героизм лекаря Михаила Тимофеевича Ермолаева наградили орденом Святого Георгия IV степени. Однако произошло это уже в Старом Харбине, где благотворительный попечительный совет Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны (матери Николая II) в числе большой группы отличившихся в русско-японской войне врачей, лекарей и санитаров, вручил награду и нашему земляку. Военный врач Боткин приколот ему на грудь Георгиевский крест, а священник Верховного Синода благословил Михаила Ермолаева на великое служение людям.

